Пустота, скорбь, отчаяние – эти чувства, словно тяжелые камни, давили на него, заставляя шагать вперед. Темный лес тянулся бесконечно, но он не обращал внимания на его мрачную красоту. Лишь стук собственных сапог по сырой земле, лишь монотонное движение, словно заведенного механизма. Он не знал, что ищет, но пустота, царившая в его душе, была невыносима. Он чувствовал, что чего-то не хватает, и единственный способ найти это – двигаться, идти, не останавливаясь. — Так пусто, — прошептал он, рассеянно глядя на уныло волочащееся по земле крыло. — Такая пустота. Мертвый подросток схватился за глубокую рану в груди, которая, казалось, стала болеть еще сильнее от этих мыслей. — Так... Его лицо, скрытое маской, поднялось, уловив движение впереди. На мгновение его пронзил страх, когда он увидел гигантскую черную фигуру, возвышающуюся над ним, словно чудовище из кошмара. Огромные шипы, злая маска – все это внушало ужас. Но страх быстро уступил место другому чувству, более сильному, более первобытному. Он не успел осознать, как оказался на спине поверженного монстра, его собственные почерневшие когти вонзались в плоть, вырывая из нее куски черного мяса. Ощущение плоти во рту заставило его выплюнуть ее на труп, но все эти шокирующие вещи меркли по сравнению с одним фактом: эта плоть была восхитительной на вкус. Гарри, не в силах сопротивляться, рвал темное мясо своими когтями и снова запихивал его в рот. В этот момент его осенило. — Я не просто пустой... Я... Вороной! Он вернулся в себя, когда почувствовал, что боль снова возвращается. Он схватился за грудь, ожидая, когда это чувство пройдет, как раньше. Странно было размышлять о своем начале в пустоте именно сейчас, в первый день возвращения в "человеческий" облик, если он вообще мог так себя называть. Эти мысли, эти чувства заставляли его сомневаться в своей человечности. Он сохранил некоторые из своих пустотных способностей, но даже у заместителя жнеца душ, у человека, были пустотные способности. Гарри не хотел становиться слабее, но не было ли благословение сил замаскированным проклятием? Не было ли это подсказкой, что он не сможет вернуться в эту жизнь, как ему так долго хотелось? Теперь у него было тело, билось человеческое сердце, но был ли он человеком? Боль снова утихла, и он расслабленно откинулся на антикварное кресло, предоставленное ему. Приказчик выделил ему место в гостиной и оставил его ждать. Им предстояло обсудить "множество вещей" после его появления и вынужденного рассказа Дамблдора. И под "многими вещами" они подразумевали его, он был уверен. Теперь они хотели, чтобы он подождал, пока они поговорят друг с другом, и он подождал. Они не доверяли ему. Вполне понятный факт, достойный восхищения. Скорее всего, причиной недоверия была его внешность, но он почти гордился тем, что они не приняли его слишком охотно по какой-то причине. Однако какая-то часть его самого хотела, чтобы его снова приняли с распростертыми объятиями, которые он помнил по своей человеческой жизни. Он был правдив, когда сказал им, что ожидал более теплого приема. Он снова почувствовал боль, когда подумал об этом. Их недоверие и холодный прием, каким бы "восхитительным" он ни был, оставили в нем чувство одиночества... пустоты. Он снова потянулся рукой, чтобы успокоить возвращающийся дискомфорт, но ощущение исчезло, когда он почувствовал приближение кого-то. Он опустил руку, когда дверь открылась, и встретился с добрыми глазами своего крестного отца. Тот закрыл за ним дверь и тепло улыбнулся Гарри. Губы Гарри дернулись, чтобы ответить на этот жест, но, похоже, он был не в состоянии искренне улыбнуться. Он не стал бы пытаться возводить новую маску счастливых эмоций для кого бы то ни было. Две маски – это больше, чем кому-то нужно за вечность, насколько он был уверен. Он не хотел ложиться под тяжестью еще одной. — Что ты здесь делаешь? Они уже вынесли мне вердикт? — Его естественно торжественное лицо вместе с завуалированным обвинением заставили улыбку Сириуса на секунду померкнуть, но он мужественно вернул ее себе с подкрашенными щеками. — Мы настолько предсказуемы, да? — попытался пошутить он. Гарри просто уставился на него пронзительными изумрудами, и Сириус наконец сбросил свою дружелюбную улыбку и прочистил горло. — Ну, они все еще спорят о том, ты это или не ты, но мое мнение уже сложилось после того, как ты ответил на мой вопрос. — Тогда не должен ли ты по-прежнему отстаивать мою позицию перед теми, кто мне не доверяет? Щеки мужчины

еще больше порозовели.— Ну, мне надоели их разглагольствования, и я... ну, я хотел увидеть тебя. Провести с тобой время в одиночестве, — объяснил он.— Это не имеет значения, — отмахнулся Гарри. — Они будут верить во что хотят, мне было просто любопытно.— Верно, — ответил Сириус. Через мгновение он придвинул к столу табуретку, чтобы сесть напротив своего крестника. Они сидели в тишине, один не зная, с чего начать, а другому было любопытно, что он скажет. После неловкой пары минут Сириус наконец попытался начать.— Итак, — с трудом выдавил он из себя, — ты рад вернуться? Гарри мгновение смотрел на него, прежде чем ответить.— Ты же понимаешь, что спрашиваешь некогда мертвого человека, нравится ли ему снова быть живым. Сириус чуть не подавился собственной слюной, прежде чем Гарри продолжил свой ответ.— На самом деле я... не уверен. Брови Сириуса нахмурились в замешательстве.— Ты не уверен? Как ты можешь быть не уверен, нравится тебе быть живым или нет? — спросил он с недоверчивым любопытством. Кажущийся моложе мужчина посмотрел вниз на свои бледные руки.— Да, мое тело живо, но живу ли я по-настоящему. — Он снова поднял взгляд, чтобы увидеть серые глаза, все еще затуманенные смятением. — Возможно, я был... мертв... слишком долго, — размышлял он. Смятение быстро сменилось беспокойством.— Гарри, тебе больно?— Боль? Нет, не больно, — коротко ответил он. Сириус, казалось, мгновение боролся с собой, прежде чем задать свой следующий вопрос.— Что... что случилось с тобой, пока ты... ну, знаешь, отсутствовал?— А что бы ты хотел, чтобы я тебе рассказал? Этот ответ, казалось, выбил Блэка из колеи.— Что бы я... Что ты имеешь в виду? Ты можешь сказать мне правду. — Казалось, после этого заявления он немного притих. — Я имею в виду, если ты этого хочешь. Гарри задумчиво наблюдал за мужчиной. — Неужели это действительно тот человек, чьи слова поддерживали меня в стольких мрачных местах? Этот неуверенный и робкий тип? — пронеслось в голове Гарри, но он не позволил себе назвать его "мусором". Он знал, что испытывает к нему чувства, к этому "человечеству", но они были затуманены годами пустой жизни. — Почему я позволил себе поверить, что все может быть таким раем, каким я его запомнил? — спрашивал он себя. — Все они казались мне сияющими огнями в Хуэко Мундо, столпами силы из моего далекого прошлого, но теперь они кажутся такими слабыми. Такими... наивными, — подумал он. Как забавно, что слово, которое пришло ему в голову в отношении самого себя, совпало с единственным цветом, который он так долго носил: "утомленный". Сможет ли он вернуться к жизни с этими детьми? Ведь именно такими они были по сравнению с ним. Недоверчивые дети. Возможно, были и исключения, но достаточно ли пары, чтобы это стоило того? Во всяком случае, в царство пустоты он точно не вернется, и он очень сомневался, что его душа сможет отправиться в Руконгай. Итак, если жизнь здесь была бессмысленной, существование в Хуэко Мундо - бессмысленным, а Руконгай - невозможным... что же оставалось ему? Будет ли он пытаться жить здесь после того, как выполнит свою задачу, или просто исчезнет? Гарри был уверен, что многие пустотники и шинигами были бы не против прикончить его, но мог ли он позволить это? Если бы он покончил с Волдемортом, то его миссия по защите этих людей, ради которой он так долго существовал, была бы завершена. Действительно ли было необходимо продолжать после этого? В долгой тишине Сириус начал нервно шевелиться, и это привлекло внимание Гарри. Он слегка наклонил голову, пристально глядя на него. — Я бы сказал тебе то же самое... — произнес он. "Посмотрим", — подумал Гарри. — Если они смогут принять меня таким, какой я есть, то я хотя бы попытаюсь снова жить, — решил он. Ведь если те, кто любил его, не могли принять его, то какой шанс у него был построить хоть какую-то жизнь. — Сириус, — его голос слегка испугал мужчину, — ты действительно заботаешься обо мне?— Всегда, — тут же ответил он. — Даже если я превратился в монстра? Ты можешь принять меня таким, какой я есть? Сириус положил руки на плечи Гарри и заговорил с ним строгим, но любящим голосом. Тот же голос он использовал, когда говорил о светлом и темном. — Ты не монстр, Гарри, что бы ты ни сделал, чтобы вернуться к нам, ты сделал это по правильным причинам, я уверен. Я не думаю, что за это тебя стоит называть монстром. — Он снова сел, освободив свои плечи. — Гарри, что случилось такого, что заставило тебя так себя чувствовать? Что заставило тебя думать, что я больше не буду

заботиться о тебе?— Тебе действительно так любопытно?— Я просто хочу знать, что с тобой произошло, что так сильно тебя изменило. Мне кажется, что во всем виноват я и что я должен был хотя бы быть рядом, чтобы защитить тебя от того, через что ты прошел из-за моей ошибки. — Он ответил искренне. — Хочешь, я расскажу тебе подробности того, как я стал монстром? — Казалось, этот вопрос заставил Сириуса забеспокоиться. — Или ты хочешь, чтобы я пересказал тебе одно из бесчисленных убийств, которые я совершил... Убийств, из-за которых я стал монстром не только по имени? — Он поднялся со своего места, почувствовав, что к комнате приближаются остальные. — Гарри, — печально начал Сириус, ища любые слова утешения, которые он мог бы придумать. — Я верил, что смогу просто выскользнуть обратно в свою человеческую жизнь. Глупец, — порицал себя бывший пустотник. Он опустил взгляд на свою бледную руку. — Возможно, было лучше, чтобы внешнее отражало зверя внутри. Это заставляет меня вспомнить, кто я на самом деле, — размышлял он.— Это неправда, Гарри. Ты не монстр, — возразил Сириус, тоже вставая. Гарри обратил на крестного острые зеленые глаза, чем слегка его удивил. — Оставь свои суждения до тех пор, пока не увидишь меня таким, какой я есть на самом деле. — Он повернулся к двери и отвернулся от этих печальных серых глаз. — Посмотрим, во что вы все поверите после того, как я разберусь со своим убийцей. — "И ваше мнение определит мой собственный образ действий", — устало подумал он. Это было преобладающим чувством для него сейчас. Он был утомлен, совершенно измотан слишком долгим пребыванием в чужой жизни. Как удачно, что его человеческое сердце позволило ему тогда почувствовать слабую надежду. Он надеялся, что эти люди, те, с кем он когда-то был так близок, дадут ему повод жить.

<http://tl.rulate.ru/book/105089/3701539>